

Проект диплома

(стихи)

Подготовила:

Станиславская Елизавета Александровна

Руководитель творческого семинара:

И.Л. Волгин

Москва

2015

место биографии:

Станиславская Елизавета Александровна.

Родилась 22 апреля 1987 года в городе Магадан.

С 1992 по 1999 с родителями жила в городе Тирасполь.

С 2004 года постоянно живу, учусь и работаю в Москве.

Последние семь лет служу библиотекарем в доме Герцена.

Отдельных литературных предпочтений не имею, читаю многих, разных, по тому, каким ощущается день. Описывать в подробности свою биографию не вижу необходимости. Пусть быт останется векам. Коль здесь я отдаю на суд свои лирические тексты, то самое важное в моей биографии – отношение к вопросу поэзии. Однажды, в середине сентября двенадцатого года мне удалось выразить это своё отношение словесно. К настоящему времени, в этом вопросе ничего не изменилось. Текст состоялся во время увлечения фильмами Годара, возможно, это повлияло на выбор названия из французской песни, и я позволю себе оставить его таким:

“Je voulais vivre comme le temps”¹

(отрывок беседы, наподобие французской фильма)

Время изнашивает. Меняет не только форму, но и суть декорации. Поэзия заклинания перерастает в искусство, искусство выливается в болтовню. Взывание к Духу, трансформируется в стенание тела под тяжестью Духа.

Страшно и тошно наблюдать, как придаётся себе значение каждым словом и делом человеческим, балансировать между жить и нежить. Кто-нибудь обязательно останется недоволен, потому что влюблён, потому что не прав, потому что готов, потому что один, потому что не врёт, потому что вперёд, потому что рассвет никогда не встречать – не значит лишиться утра.

Объективное слово, свобода от слоя приводят поэзию к стадии выхода из

¹Франц. дословно – я хотела бы жить подобно времени. Мирей Матье (Pardonne-moi ce caprice d'enfant).

круга литературы. Литература есть бумага с типографской краской. Поэзия есть чувство. С этим согласны многие (будем_те проще). Настоящие стихи всегда вызывают чувство и о них нечего сказать, они говорят за себя, потому заводят беседу уже о личности самого поэта.

Сам поэт тоже меняется. Всегда оставаясь частью эстетической структуры общества, отражает речевую суть устремлений человека своего времени.

Был поэт – проводник, не имеющий подписи и лица, но лишь голос, не свой, а божественный голос, который, если вести логическую мысль по Ломоносову, не может позволить себе низкого штиля, потому он выдаёт символы чистого знания без пристрастия. А не изливается на внимающего потоком слов, порой даже никак между собой не скрепленных...

Хах! – говорит современный поэт, – в этой *не_связи* и есть сахар современной поэзии. Бессвязность – удобная форма, как если бы говорил пьяный или дитя, шепот психа в углу. Злые жернова разговоров. Пушкин. Пушкин. Пастернак. Пушкин. Старо. Давно. "С корабля современности". "С корабля на бал". А новые имена – повсеместный бессвязный лепет нашего поэта, замкнувшегося в себе.

Стал поэт – замыкание, закручивающийся, кричащий: Ничто! Упершийся в тлен своего тела, который подступает горлом, разъедает связи, вызывает крик. Человек спустился из горнего мира в глубины подсознания. С одной стороны Фрейд, с другой стороны Будда, повсюду христианские святыни и братские захоронения. Смещение языковых знаков, смещение пониманий, изменение точек зрения, непостоянство концентрации воздуха. Фукусима, Хиросима, киты-самоубийцы, сибирская язва. Машина-каток "увозящая со своим грохотом ваши разговоры". Само место пребывания современного человека будто бы склоняет его искать нового и нового дерьма (*un nouvel et nouvelle merde*). Поэт приводит в стихи фальшь и манерность, потом уходит от метафоры, впадает в истерику, делает вид, что справился, надевает на стихи протез. И жутко, и жутко, и жутко. Страх потерять, понять,

возникнуть, обладать, отдавать, не спать, не протестовать, переходить дорогу на желтый, плевать на условия условности, создать стих из какой-нибудь простой фразы на заборе. Какие заборы – такие и стихи...

А всё-таки есть что-то в метафоре, в ритме, в этом укачивании, раскручивании колец памяти... Введение в транс, возможность увидеть, как раздуваются тонкие ноздри у слушателя, и глаза исходят светом, пусть это будет одно мгновение, и не нужно даже его останавливать. Каждое мгновение прекрасного непрерывно, каждое созвучие настраивает радиоприемник памяти на затаившиеся обиды и не воплотившиеся мечты, прикрытые скатертью высшей идеи. Наступает исход. Раскол на любителей и не любителей силлабо-тоники. Как будто стихи перестают подчиняться своей природе, выходя за пределы рифм. Но не в словах тут дело, а в том, что стихотворение всегда признание в любви. Стихотворение – *я люблю* – новыми словами. Вопрос остаётся в том, кто именно примет это признание на свой счет. В любом случае, у каждого есть такое право.

титры:

в роли стола – маленький круглый стол

в роли официанта – официант, который не слышит по-французски

в роли слов – кофе, разбавленный молоком

в роли ложек – ложки

в роли слёз – смешное рукопожатие

в роли людей – три вопроса

в сумке одного из вопросов –

кладбище живых поэтов.

журавлиное болото

И разбудят меня, позовут журавлиные крики

Над моим чердаком, над болотом, забытым вдали...

Н. Рубцов

пробуждение

1

И здесь – за свистом неизвестных птиц,
В музыке, камне, голоде.
В городе, где улицы изменяются по периметру.
Найдены следы недосказанности,
неопрятность сердечного ритма,
долгие паузы между скоротечным движением крови.

Приобщение природе искусства –
путем прикосновения,
детального рассмотрения,
опытом слепых и новорожденных.
Вечный союз слона и мухи.
Вечное приближение осени,
к нюху человека-собаки.
В дымящемся полузабытьи облаков
неразгаданные звуки,
станции без названия.

2.

Утопия тишины в постели – состояние устрицы.
Через балкон в комнату бесповоротно въезжает утро.
Оживляя хрусталики фигурной вазы,
расторгая договор сна просочиться наружу.
Но изможденные монстры стерегут на выходе.

Ослепительным глазом, согревая край постели,
солнце призывает проснуться,
на этот раз, не помышляя о выгоде.
Чтобы ощутить день нужно к нему прикоснуться.
Первое впечатление – холодное здоровье из крана,
больше нет времени спать – идти слишком рано.
Разочарование от прерванного восторга
потряхивает непривыкшее к яви тело.

шаг к пробуждению сделан.

наступающей весне

Спой мне песню, как девица

За водой поутру шла.

А.С. Пушкин

Утром звонким за водою
выйду к стылому ручью,
отходящею луною
осветило полынью.
Берег бел. Деревья голы.
Ноги греются в снегу.
Лапы длинных взрослых ёлок
на соседнем берегу
позовут меня с собою
в омут, в черное пятно.
Развернётся над землей
новый день, открыв окно
скрипом звучным, воздух чистый
в комнату, смеясь, войдёт.
Ночь, раскачиваясь, с балок
потолочных упадёт.
Будет слышно – хохот гулкий
отразится в тишине.
А сегодня на прогулку
Мы вдвоём пошли во сне.
Шли вдоль леса
(был он тёмн),
шепотом по колее...
улыбаясь на подъеме
наступающей весне.

соперники

(драма в библиотеке)

Бесцеремонность взгляда,
гладость улиц,
умытых, убеленных тополиным
сознанием превосходства крон над кроной.

Смотри, ведь вот образовалось чудо –
стихи чужие на стене подвала,
похожие на жизнь стегоцефала.
Такие же загадочные ночки,
и ветра переулки, и печаль.
Французские последние сеансы
в кино для взрослых – прямо за чертой.

Аполлинер прокладывал дорогу,
все знают и почтительно молчат.
Мы выйдем вместе в наш тернистый сад,
как Марианна и её Нежданов.

Ставрогин и Матреша –
щель в чуланчик,
грозящий кулачок,
убийство чести...

Лежавшее перед тобой на блюде утро,
на вкус напоминало ламинарию.
И яда было в ней воспоминание,
отправленного будущим супругом
Гертруды тихо брату в ухо.

журавлиное болото

На талдомских болотах
в непроглядной пуще,
как в шишкинских полотнах,
где краска к тени гуще:

ни Стёпки Головлёва,
ни следа барской вещи,
но тучи в стрелах ёлок,
и тут же бродит леший,
дививший Салтыкова.

В соревнованье с бурей,
из веток гнёт подковы,
и будит сонный улей.

Летя путями предков,
строй стаи журавлиной,
выносливый на редкость,
домой вернулся клином.

Здесь расходились годы
работой топора,
проделками погоды,
находками пера.

Здесь майский жук таился,
открывший Щедрина,
что время словно птица
уходит в ширину.

Сиятельны, как сполох,
березы тянут веи,
от хвоистых иголок
свободой мысли веет...

Их трепетный союзник
попынью вдоль окраин,
тяжелой думы узник,
пешком дошёл до рая.

"гость чудесный"²

...чувство незримого и неизвестного прихода...

С. Есенин.

Я знаю ваши мысли и слова,
внезапный друг из сказочного края.
Откуда? Мы знакомы не едва,
мы не знакомы вовсе. Я не знаю.

Я вижу – вы лежите на полу
и чертите перед собой узоры,
вы держитесь, как судно на плаву,
и любите запутываться в споры.

Вы пишете дыханьем на ходу
свои стихи, но время их не тронет.
Я к вам в леса за горы не приду –
мой челн в дороге как всегда утонет.

Опять тоска наступит на виски.
Вы плачете – я ничего не вижу.
Друг против друга по краям доски
стоим и никогда не станем ближе.

О тех веках, где я отправлюсь спать,
Вы ничего не вспомните к рассвету.
Но до рождения успели написать –
сокровищницу своего ответа.

² С. Есенин (из статьи «Быт и искусство»), там же – эпитафия.

"...во имя той – костей..."³

Песни твоих разлук – свет от света.
Шепот, шаги и звук. Звук – примета.
Где есть твоя могила – никто не знает.
Спорят кого любила ты, зацветая.

Мы навели фонарь на *летейски воды*,
ищем следы одной и неповторимой.
– Помня печальный опыт Антуанетты,
Через петлю времен, приходи, Марина...

Здесь у нас – тишь да тишь – череп и кости.
Сядешь и загрустишь – спать не сможешь.
Станешь читать стихи. Соберешься в гости.
И выступает очередь из вопросов:

Где там лежал клочок, кем письмо писалось?
Кто виноват из тьмы вековых ничтожеств?
Ты там и впрямь была? или им казалось?
Или такого быть на Земле не может?

³ М. Цветаева (Тебе – через сто лет).

8 апреля

От перемены мест созвездий
сумма звёзд не меняется,
сумма звезд обновляется
с каждым невидимым выдохом.

Рекурсия предложений –
речь ошутима,
размножена в коридоре,
рассеяна на заднем дворе.

Она говорит:

Никого не знать здесь – не страшно.
Каждый делает вид, что знает.
И каждый
сам себе уподоблен,
самостоятельно замкнут
в трюмо бабушкиной надежды –

никогда не стареть.

Петербург в апреле

Пароходный гудок,
расходящийся вдоль.
Маяки у реки –
пустяки над Невой.
Отраженный в песке
Петропавловский бой.
Настоящий апрель –
холодящий прибой.

Хорошо по мостам,
среди добрых людей,
улыбаясь, ходить,
подгоняясь ветрами.
И ведя за собой
неизменную нить,
представляя себя парусами,
траекторию троп выводить.

Никого не найти
по смешенью следов.
Постоянный поток,
вымывающий память,
искажает сюжет,
истончает покров,
разрешает уйти –
дальше – думайте сами.

*

Вот теперь и съездили в Петербург.
Не успели вымолвить, что – пора.
У меня остался там милый друг.
Шея доскакалась до топора.

Дворник разошелся грести метлой,
время уж к полуночи – он вощит.
Или это ветер шныряет злой,
поднимая имя твоё на щит?

Поднимая вихри листвы сухой,
во дворе проказливый суховей
приобнял кричащего: *Панки, хой!*
Разобрал до самых его костей.

Мы уже сидим в октябре втроём:
Ты и я, да наша с тобою смерть.
Ничего о будущем не поём.
Говорят, здесь некому даже петь.

Говорят, что станет дороже хлеб,
и вино цензурами запретят.
Вместо храма будто оставят склеп,
из прудов повыловят всех утят...

Но, когда внутри пребывает свет,
рассыпаясь, катится по спине,
в торжестве природы сомнений нет.

Приходя очищенными к зиме

воспарим над бреднями палачей,
и тогда слова потеряют вес.

Нас охрипший к зареву соловей
позовет к заутрене выйти в лес.

лето в бабочках

Боярышницы копошатся в яблоне.
Дворец их белых крыльев – крона.
Их императорские взлёты
похожи на корабль духа,
скрывающийся в тень от солнца.

Послушай, нам не нужно слуха,
чтобы понять тропинку взгляда,
ведущую в ничто себя.
Гляди, колыхается дриада
в раскидистом пространстве сада.

В июне – раньше половины
Москва горит от зажигалки.
Подростков шалости невинны,
простого пуха разве жалко?
Простому жарко пешеходу,
ему мерещиться наяда.
Кругом пожарницы летают.
Его мечта – холодный полюс.

Но, если посмотреть из сада
на разложенный мегаполис,
то героическая сага,
написанная неизвестным по синеглазым махаонам,
размахивает след бетона.
И наступает влажность леса.

ночь перед экзаменом

глазум региструм.

фазум магиструм.

в пении быстром –

глазум магиструм.

в чтении быстром –

фазум региструм.

доброе утро, ночеубийца,

с длинным скуластым

лицом низибийца.

Что, если вместо главы Иоанна,

у Саломеи вырвут язык,

чтобы создать из него Адама?

что если он ни к чему не привык?

глазум региструм –

доброе утро.

фазум магиструм –

дохлая утка.

солнца копыта –

искры рассвета,

подобрались к оглавлению лета.

лето

Прошлое, скривившись в неизбежной усмешке, смотрит искоса.

Из магазинов и банков выходят довольные люди.

Из метро и застревающих лифтов выходят здоровые люди.

Из-за угла никто не нападает,

выбегают маленькая собака и приветливо обнюхивает.

Прошлое лето сгорело и задохнулось.

Прежде него была надежда, что конца не будет.

Теперь есть веревка в сумке. На всякий случай.

Если придётся вдруг перевязать всё полученное.

Чтобы не потерять ни единой буквы.

Отнестись с почтением к языку, кормящему наши мысли.

Наши мысли путаются и блуждают.

Их остановка – внезапный винтообразный полёт.

Длящийся в других телах, сумевших развязать руки,

освободиться от боли, улыбнуться в самом подступе лета.

И ступить на его прогретый порог.

Солнце такое, что, пуская его в зрачки,

закатываешь глазные яблоки.

В доме нет никого. Во дворе: вороны, таджики, кошки.

Некоторые из них грезят о тёплых странах и кричат по ночам.

Многие из нас, не выходя на балконы,

не выходя на орбиту, не выходя на связь,

курят и не смеются. Тут уже не до смеха. Лето – это не шутки.

черная оборона

Пусть зародится смех
В качке пустых вагонов
Смех на глазах у всех
Вдоль холостых загонов.

Где же теперь пастух?
Чувство бредёт слепое
Тщетно играя в слух
В радость бесед с собою.

Так же и мы теперь
Путаемся в ответах
Смотрим наружу в дверь
В молнии голых веток

Маются по ночам
В нашем дворе вороны.
Страшно. Который час?
Черная оборона...

Утро не подвело,
Было бесповоротно.
За ночь-то намело!
Корни солнцеворота

Пущены в зимний ход,
Заметены все клетки.
Дайте мне ледоход,
Ставьте на карте метки.

Люди вокруг тела
Или еще иное?
Если душа мала,
Как она помнит Ноя?

Если спасенья нет
От нагнетанья риска,
Значит – сдавай билет,
И не пиши записку

И находя в январь
На простоте бульвара.
Сменится календарь
Выдохнув от удара.

лирическое наступление

(не*manifest*)

Просыпаться от гортанного хохота в подъезде.

Писать, как будто роман:

- Друг мой, что ты там постоянно пишешь?..

Молчаливая улыбка, взгляд, отвлекшийся от бумаги...

...Всеобщая растерянность.

Погружаемся.

Единственное, что врывается в наши плавания – сирена.

Сирена – однообразная и пугающая. Сирена не Одиссея. Она за окном. Она за окном всегда.

Это признак города. Иначе никак.

Иначе – мы никогда больше не вернулись сюда.

Многим по душе статичный круг, с нервным подрагиванием стрелок.

Меня это выворачивает, удушает.

Потому как бы ни шла я –

иду от точного времени.

Октябрь уже не тот, что прежде. Не ослепляет - осыпает.

Сегодня, возможно, всё, наконец, сложится в целое.

Как несколькими фразами сказать многое?

Как промолчать, когда слова, выпущенные стрелами коренных жителей, поднимают со дна память? И то, что совсем недавно могло показаться сомнительным односторонним криком, обретает себя иначе.

Благодарить ли за вдохновение? откровение?

Всё серьезно и не пройдет боком.

И никогда не забудем дней рождения, как и дней смерти, ибо высятся они
вплоть.

И кто же здесь еще имеет сомнение, в том, что мир большая шарада?

О. Без междометий не обойтись. С нами каждый, кто понимает – слова –
лишь патина на зеркалах.

Слова – пальто. Слова – тепло. Танец слов. Танец с партнёром, имя
которого всем известно. Имя, которому не найдешь подмены.

И ежели кто-то ждёт, значит, некто приносит жертву ожиданию.

Если время растягивается и время сужается – значит, мы уже не в том
маленьком мире, где дома могут показаться игрушкой.

Значит, мы вынырнули на поверхность острова. Пусть это будет Крит.
Пусть это будет бык – с головой человека.

Метафоры сгрудились внутри – они просят выхода. Они похожи на людей, в
плащах приглушенных оттенков, тех, которые стояли в очередях за пищей,
когда мы еще не могли говорить. Только изумленно взирали на свет,
недавно выбравшись из нутра.

Твоя песнь становится гимном. Это древние берега. Это – дерево, береги
свои листья.

ошибка доступа

Иногда не хватает друга,
которому можно позвонить посреди ночи,
и он не положит трубку,
не скажет – пошла прочь.

Друга – после восьми в пятницу
или день субботы,
а, если нужно, сегодня.

Того, что делится радостью,
потрясающей своими пропорциями,
который смотрит на эти строки
и говорит: я тебя правильно понял?

Умеющего отделить дух от плоти.
Удивляться и забывать.
Вспоминать вместе.
Идеалиста,
с понятием чести
оседлавшего волны фраз,
мыслью и сердцем.
или, как раньше – друга по переписке...

Вспоминающего тебя, лишь когда
приходит на почту в гости.
Или, кто знает, кто знает –
забывшего вовсе.

степное видение

санта-цикорий,
дерево-катапульта,
женщина с родинкой в ореоле песчинок –
скованный дух вырывается на свободу,
степи цветут и загораются органзой.

слушаю шелест звуков
прежде, чем их напишут.
“Любовь долготерпит”.
Небо темнит грозой.

Женщины, окруженные фронтом,
ворожат, опускаясь к воде,
утопая в иле –
в чашах коровьих следов –
это место скопления мотыльков.

Закат на холме не повторить никогда.
Небо – розовая вода,
солнце – раскаленный металл,
дом, пахнувший, как сандал.
Мира потаенный альков:

не достать – глубоко –
не дышать – не легко,
смотрю далеко –
никого, никого.

ответ, отстаивающей современность

Она говорит: за окном давно не совок,
это смешно, когда, уходя в кумач,
обвислые тётки и дяди с помятым видом
о юности семидесятых своих поют.

а за окном – голосуют за техно-уют,
и вспоминают поездки ночами в «реторту неона».
а за окном по-узбекски кого-то зовут,
никто не боится пришествия наполеона

Теперь голосят – *пошли другие стихи.*
Но сокровенные всегда задевают лично.
восьмидесятые, сороковые, девятнадцатый век –
все даты смешны и цифры пифагоричны.

Счастливые пчелы зимой поглощают свой мёд,
у честного пчеловода такой обычай.
Время меняется, но каждое лето цветёт,
профиль любимой веками похож на птичий.

*

В доме покойник – шепчутся по углам.
В доме всё тихо, но всё одно бедлам.
На скорую руку завешаны зеркала,
прощаться кому-то мешают дела...

Да и зачем это нужно,
если в последний рассвет,
только глотаешь воздух,
а потом и воздуха нет.

Только идёшь наружу
весь краткосрочный век,
и всё завершает бордовый
ветром размытый свет.

Потом уже заупокойный
будет пропет Псалом,
но кто же ты был такой, но
зачем приходил в тот дом?
В таинстве предвкушенья
тоже окоченеть,
будут все слушать пенье,
будут глаза чернеть,
расширяясь от страха,
что некого обвинить...

Прах относя к праху,
дай нам уменье жить.

на стекле

Вихрастое сиянье – это холод.
Охваченный ознобом прототип
в такое время вспомнит баркаролу.

Не зная имени, отшельники в углу
стоят и смотрят сквозь глаза героя.
Слезится ночь, двойной луной играя,
на снег ложась следами ореола...

Сияние лица и белых строк
из ледяных лесов внизу на окнах.
На рыбой съеденных губах атолла –
слоистые свершения, снега.

Замерзли руки...
– как теперь писать?
Какие-то бродяги в чистых фраках
чернила унесли. Мешая спать,
вчерашние друзья смешали звуки...

Куда нам жить? И как нам выплывать?
Что подготовил нам идущий день?
(Сияние искусное на стеклах
в лицо смотрящего отбрасывает тень).

четвёртый стих

Собирать дикий мёд с черт,
с каждой встречей терять пульс.

Забывать навсегда *тех*.

В благодарность вложить вкус.

Свой последний отдать смех,
на утеху канатоходцам.

Заглядеться в глаза колодцам.

Иноземные языки

распустить по чужим ложам.

Не просить, не тянуть руки –
подаяние уничтожит.

Над закатом ловить слог,
создавать по ночам битву
разлетающихся слов,
превращающихся в молитву.

Не дождавшись, свернуть в бег -
ни к чему разводить драмы.

Очищаться от злых нег,
подниматься с утра рано.

*

Эти встречи в мировых метро –
неожиданная ласка событий,
всплески отъездов-прибытий.

Этот снег, возникающий вместо
прозрачных червей дождя.

Это – за неимением себя –
попытка остаться вместе.

На пересечении переводов
кем-то любимой песни.

Не получая писем,
совсем разучившись ждать.

возлюбленные

Потерявшие чутье и волю, возлюбленные,
расстояние сократили до звука.

Он узнавал её в приближение утра:
Раздавая из окон вагонов разное имя,
помня май смерти своей невесты.

Потерявшие дар речи, возлюбленные,
на последней станции от прощания –
эшафот вагонной двери заставляет
биться быстрее ритуальные барабаны жизни.

"осторожно двери открываются" –
не выпадите из вагона,
не выпадите из реальности.

Остолбнев от внезапного появления,
возлюбленные не согласны кричать,
их снедает молчание.

Их проникновенная ворожба предложениями
закончилась на четвертом десятке признаний.

Остановились друг против друга.

Настоящий решительный шаг.

Приходили вечер и утро.

Проходили мимо афиши,

надпись:

повесились на теории.

ниже:

шопенгауэр, шпенглер, ницше...

расхождение строки

1

Теперь никто не узнает человека, лишившего себя головы, чтобы больше не думать. Южный ветер оборачивает тело матерински нежным саваном пыли. Он идёт вниз по улице, спеша навстречу неизвестно кому, потерявшись в тошнотворности себе подобных, не замечая бирюзового купола на горизонте между домами.

Теперь нужно перейти в зону, где ещё не ведутся раскопки, куда поспешает девица в платье, скроенном по стихам Хуана Рамона. На этот раз он будет решителен, поведёт разговор немедля, многозначительно рисуя паузы – правилом высокого тона. Пора научиться контролировать себя в ситуации, которую сам создал. Неисчерпаемые возможности вдохновения падают отовсюду: в виде огромных букв с фасада, уклеенного рекламным бредом. Со слов случайных свидетелей, привозимых сюда ночами.

С ветки шиповника широкохвостая камышовка говорит своим птенцам: “Теперь будем учиться летать...”

...Они видят друг на друга с закрытыми глазами, преодолевая веки. Их не остановят никакие подоконники, позы, сиюминутные вспышки экстаза. И не волнуют: эвтаназия, рука просящего, неожиданная метастаза. Он – безголовый и его подруга, одетая Хименесом, сидят молча на улице, рядом с магазином или фонтаном. Час, другой – время не имеет веса, потому тяжелее не станет. Слыша музыку гор, слушая звуки города, они провожают мифы, успевающие: проползти мимо, неся детскую находчивость, пройти сквозь, будто имеют значение и проползти еще раз, растеряв последние зубы. Мифы сменяют друг друга, восточный газонокосильщик срезает траву, в голове Эйнштейна вариться мысль. Они так и сидят – ничего больше, осознав ожидаемо гармонию постоянства – полное растворение себя в мегаполисе. Когда часы изобретают секунду, они понимают, что научились летать наяву.

*

Только что был один мотылек, теперь он раздвоился и полетел в разные стороны. Всё это прелести и необъяснимости пространства, в котором обретает своё место человек.

“облак свидетелей”⁴

Быстро передвигаются
буквы календаря.
Видишь, уже февраль,
доживём и до ноября.
Красная околесица –
распахнутые поля,
вверх по идущей лестнице
раскручивается Земля.
Вечная история –
никуда не уйдешь от глаз,
кто-то всё время смотрит,
кто-то глядит на нас.
Видит и замечает,
не упущено ничего:
странности белых шрамов
у Врубеля на груди,
рыдания Левитана –
неоконченные труды.
Что мы пред этим можем?
Только дрожать и ждать,
или идти за звоном,
или стоять молчать.
Появляясь внезапным
отблеском по утру,
поперек улицы,
удивления позади.

⁴ Фраза найдена у П. Флоренского («Иконостас»), Флоренский цитирует Библию.

ночью в Петрограде

Меркнут знаки зодиака

Н. Заболоцкий

Злая луна в улицы метится,
высеклась месяцем над головой.

Песни поёт большая медведица,
спит на посту – городской.

Крылья из бронзы стражей собора
выбелил ночью ветреный снег,
где-то в ремонте крейсер Аврора
видит во сне горечь побед.

Снизу по площади гордые лошади
преданных всадниц катят верхом.
Спят в галереях дубовые рощи,
дремлют ворота с двуглавым орлом.

Только брусчатка не засыпает,
помнит, как шел семнадцатый год,
как содрогнулась за ним мостовая
и подломился обманчивый лед.

Так же луна торговой вывеской
рекламно торчала на тьме небосвода
слагались декреты, доносы и выписки,
шел разговор о свободе народа.

содержание:

место биографии ...	2
пробуждение ...	6
наступающей весне ...	8
соперники (драма в библиотеке) ...	9
журавлиное болото ...	10
“Гость чудесный” ...	12
“во имя той – костей” ...	13
8 апреля ...	14
Петербург в апреле ...	15
“Вот теперь и съездили в Петербург...” ...	16
лето в бабочках ...	17
ночь перед экзаменом ...	18
лето ...	19
черная оборона ...	21
лирическое наступление (<i>неmanifest</i>) ...	23
ошибка доступа ...	25
степное видение ...	26
ответ, отстаивающей современность ...	27
“В доме покойник...” ...	28
на стекле ...	29
четвёртый стих ...	30
“Эти встречи в мировых метро...” ...	31
Возлюбленные ...	32
расхождение строки ...	33
“облак свидетелей” ...	35
ночь в Петрограде ...	36